ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО «ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ»

ЭПИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Материалы II Международной научной конференции
16-18 октября 2008 года, г. Пятигорск

Пятигорск 2008

З.Д. Джапуа
(Сухум, Абхазия)

Система эпитетов в нартском эпосе абхазов[1]

Обращаясь к анализу системы эпитетов в нартском эпосе абхазов, необходимо оговорить некоторые грамматические принципы абхазского языка, без которых невозможно в полной мере понять специфику определительных сочетаний. Ведь «художественное значение имеют в эпосе не только явления лексики, но и некоторые явления морфологии и синтаксиса» [18: 400]. Прежде всего следует сказать о формальном грамматическом сходстве существительного и прилагательного в абхазском языке – их можно различать лишь по семантике и позиции в контексте. Любое качественное прилагательное – это то же существительное по своей форме, оно принимает все категории и формы существительного и поэтому (в зависимости от позиции в контексте) может стать и существительным. Также любое относительное прилагательное – это то же существительное в позиции прилагательного с суффиксами – *-тв(ы), -тви*. Любое имя (существительное, прилагательное и т.д.) легко может принять глагольную форму и все глагольные формообразования.

Эти особенности грамматической природы абхазского языка, естественно, характерны и для поэтической лексики нартского эпоса. Они являются словесной основой конструкции различных художественно-определительных констант. Как пишет С. Л. Невелева, исследуя эпитеты древнеиндийского эпоса, «когда речь идет о поэтическом творчестве, нашедшем отражение в отшлифованном веками эпосе, очевидно, каждое прилагательное можно рассматривать как эпитет» [17: 9].

В художественно-определительной системе нартской эпики выделяются три разновидности воплощения эпитетики – *простое определение, «описательный» атрибутивный ряд и удвоенный эпитет*, обусловленные (в числе других факторов) синтаксической природой языка. Эти три принципа фактически просматриваются во всей системе эпитетов абхазского эпоса.

В первой группе разновидностей особая роль принадлежит оценочным «героическим эпитетам». При этом различаются эпитеты абстрактного, собирательного значения, которые в ряде случаев образуют синонимические группы. Таковы доминантные эпитеты-определения: *аду – «большой», агугуа – «сильный», абзиа – «хороший», ахуычы – «маленький».* Они составляют (организуют) основной эпитетный фон нартского эпоса. Частота их употребления «оказывается явлением содержательного ряда, эстетически значимым и потому важным для раскрытия и постижения художественной мысли эпоса» [22: 172]. Для них характерна неопределенность выражения, а большей конкретностью смысла отличаются их синонимы *(«большое дерево»,* но ***«высокое** дерево»).* В нартском эпосе синонимия оценочных (доминантных) эпитетов в известной мере не ограничена. Происходит, по выражению А. Н. Веселовского, «накопление эпитетов однозначащих или близких по значению» [7: 84].

Меньшей частотой употребления обладают ситуативно-текстовые и субъективно-оценочные эпитеты. Ситуативный эпитет предстает как показатель обязательного признака определяемого поня-

---

[1] Статья основана на несколько ранних разысканиях автора (см.: Джапуа 1995: 71–91), которые здесь значительно переосмыслены.

тия. Например, сочетания; *«шутник Гутсакьа»* и *«упавший в яму Сасрыкуа»*. Они оба встречаются в отдельных сказаниях только по одному разу. Но если первый эпитет выражает основной признак персонажа (шутник Гутсакьа в эпосе отличается именно веселым нравом), то второй используется применительно лишь к одному эпизоду, просто характеризуя случившийся факт, и не может выполнять художественно значимую функцию определяющего.

К этой группе относятся и определительные сочетания, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет, или на его относительный признак и цветовые характеристики. Их своеобразие заключается не столько в выделении реальных конкретных признаков предмета, сколько в его идеализации. Поэтому они несут в себе оценочно-метафорический оттенок или становятся собственно метафорическими. При этом началом их сближения служит героическая доминанта, основанная на гиперболизации.

Вторую разновидность эпитетики составляют «описательные» эпитеты-определения, представленные атрибутивной группой слов или субстантивно-глагольной синонимией. Ими выражается основная суть отдельного описания, мотива, сюжета или круга сюжетов.

Третья разновидность возникает при удвоении вышеназванных эпитетов. Они одновременно повторяются при определении одного адресата. Это как бы «художественный итог» поэтической сочетаемости (известные определяющие компоненты употребляются на ином уровне определяемости). Отдельно выступают определительные сочетания: *«большое дерево», «высокое дерево», «буковое дерево», «дерево – до небес»*. Отсюда складываются: в одном случае – *«дерево – высоко-большое»,* в другом – *«большое буковое дерево»,* и в последнем – *«большое дерево – до небес».*

Одной из особенностей **простых эпитетов-определений** является накопление близких по значению эпитетов вокруг нескольких основных качеств, которые группируются как бы в основные семантические гнезда. Так, в поэтическом словаре эпоса по частоте употребления особо выделяются четыре основных эпитета – оценочных определения, которые выражаются качественными прилагательными: *«большой» (аду), «сильный» (агугуа), «хороший» (абзиа), «маленький» (ахуычы)*. В повествовательной эпической речи они неизменно стоят после определяемого слова (исключение составляет только термин *«нарт»* в качестве эпитета) и почти постоянно встречаются в самом общем значении *(а-хаху – «камень», а-ду – «большой»: ахаху ду – «большой камень»* [4: 60]). Когда определительное сочетание употребляется в неопределенном значении, показатель общности *(а)* опускается и из определяемого слова (существительного), а определяющее (прилагательное) принимает суффикс -к *(хаху дук – «некий большой камень»* [4: 60]. Кроме того, данные эпитеты в эпической речи могут употребляться в различных словоформах: в конструкции превосходной степени *(даара схаца гугуами – «я же очень сильный мужчина»* [10: 49]), в двойственном или множественном числе *(ахаху дукуа – «большие камни»* [11: 77]), в притяжательной форме *(у-хаца гугуоуп – «ты сильный мужчина»* [9: 73]), в различных глагольных формах *(дхаца гугуан – «он был сильным мужчиной»* [Там же]).

В эпическом стиле (и в разговорной речи) названные определения носят собирательный характер и выступают с определенными рядами своих синонимических групп. Синонимия оценочных (доминантных) эпитетов – одна из характерных черт абхазской нартской поэтической лексики. Близкие по значению эпитеты группируются вокруг нескольких объектов и эпических понятий. При этом в системе синонимии между аналогичными словами при всем сходстве постоянно сохраняются и различные отличительные оттенки. Все эти определения и их синонимы встречаются в текстах в сочетании с различными эпическими понятиями, которые и являются самыми основными и даже необходимыми качествами эпического фона. Они составляют бóльшую часть основной поэтической лексики нартского эпоса. К ним относятся как персонажи, так и ландшафт, фауна и другие составляющие эпического мироздания. Высокая частотность доминантных эпитетов-определений обусловлена высокой степенью идеализации образов, событий и всего эпического мира в нартском эпосе.

Мы соединили в одном ряду близкие по смыслу и значению понятия в эпических текстах, которые несут существенные эпические качества. Отсюда ясно, что природа ряда эпических понятий, которая выражается основными эпитетами-определениями, предстает с различных сторон. Именно природа различных эпических сфер (они выступают «ключевыми» компонентами эпических текстов) дает нам основание выделить из поэтической структуры текстов в качестве эпитетов-«источников» так называемые доминантные определения *(«большой», «сильный», «хороший», «маленький»)*. Первостепенным свойством названных эпитетов предстает *выразительно-оценочный момент.*

При определении (оценке) эпического адресата художественные функции данных эпитетов зачастую сближаются. Убедительный пример – картина оценки богатырского коня: *а) ачы туган – «гигантский конь»* [13: 337]; *б) ач-хыцгьа – «ретивый конь»* [13: 256]; *в) алаша бзиа – «славный мерин»* [11: 74]; г) *алаша хуычы – «маленький мерин»* [11: 74]. С одной стороны, все четыре определе-

ния выражают именно различные оттенки эпического адресата, а с другой – их основная художественная функция состоит в идеализации облика самого коня. Близость художественного смысла более ярко сохраняется между первым *(«большой»)* и вторым *(«сильный»)* эпитетами, а также между третьим *(«хороший»)* и четвертым *(«маленький»)* определениями. Если первые определения («героические эпитеты») характеризуют гигантский облик, мощь, пространственную масштабность эпических событий, то для вторых более характерна украшающая (ласкательная) функция.

Семантическая синкретичность – одна из характерных черт выделенных эпитетов. Они функционально сближаются со своими синонимическими группами, что соответствует эпическому духу.

Выделенные эпитеты отличаются частотой употребления по отношению к различным определяемым понятиям. Более постоянно эпитет *«большой»* употребляется со следующими адресатами: *«нарты», «камень», «вода», «пир», «дерево», «поле»* или *«двор»*. Это постоянство выражается и синонимами эпитета *«большой»*. При этом во всех случаях функции синонимов предстают неравномерными.

Эпитет *«сильный»* более устойчив применительно к слову *«мужчина»*. Синонимы этого эпитета *(«страшный», «ужасный», «храбрый»)* реже сочетаются с данным понятием. Весьма близкие по смыслу эпитеты *«страшный»* и *«ужасный»* часто употребляются со словом *«человек»* и с природными явлениями. В текстах постоянен и эпитет *«нарт»* применительно к именам эпических богатырей. При этом чаще, чем с другими образами, он связывается с именем центрального героя абхазо-адыгского нартского эпоса – Сасрыкуа/Сосруко. Это обусловлено большим объемом цикла сказаний о Сасрыкуа, множеством сюжетов, сюжетных версий и вариантов, связанных с именем этого героя. Постоянный эпитет *«нарт»* иногда может заменяться эпитетом *«герой» («ахаца», «афырхаца»),* поскольку в эпическом стиле оба определения по смыслу становятся адекватными, несмотря на то, что частотность этой заменяемости невелика.

Доминантные в синонимической парадигме эпитеты *(«большой», «сильный», «хороший», «маленький»)* являются ключевыми определениями в понимании самого поэтического синтаксиса абхазской нартской эпитетики. Без учета таких собирательных, организующих факторов определительной системы трудно выявить художественную структуру валентных связей эпитетики. Причем данные эпитеты связаны с основной органической лексикой эпических сказаний, вне которой эпос не складывается как законченное художественное целое. Это соответствует самой специфике выбора эпитета, обусловленного «местом в повествовании определяемого и его ролью в сюжете» [20: 23].

«Описательные» эпитеты-определения с точки зрения лингвистики это – атрибутивная группа, которая состоит «из двух и более знаменательных слов, объединенных общностью синтаксической функции» [6: 118]. В одном случае она предстает как уточняющий атрибутивный ряд в виде приложения *(Сасрыкуа иан Сатанеи-Гуашьа – «мать Сасрыкуа Сатаней-Гуаща»* [9: 83]), в другом составляет причастную конструкцию (*шюык афырхаца зыхшаз Сатанеи-Гуашьа – «родившая сто богатырей Сатаней-Гуаща»* [21: 87]). Как отмечает абхазский лингвист Ш. К. Аристава, «организующим центром конструкции является глагол инфинитной формы… Личный аффикс заменяется здесь аффиксами относительных местоимений *и* или *з*» [6: 118, 119]. В повествовании определительный атрибутивный ряд стоит обычно перед определяемым понятием, реже встречается после определяемого имени (*Аинар-жьи – знапы ахьы апссоз – «Айнар-жьи, чьи руки мели золото»* [13: 255]).

Субстантивно-глагольная синонимия может быть основана на сравнении, вследствие чего ее конструкция удваивается *(лыблакуа ца змамыз, амшын еипш, изырлашоз – «ее глаза, не имевшие дна, которые все освещали, как море»* [9: 84]*).*

Основная художественная функция данных сочетаний – определение различных признаков, своеобразия персонажей или других эпических координат. Они содержат в себе основные свойства, суть характера эпического образа. Например, рождение Сасрыкуа из «оплодотворенного» камня после «встречи» матери нартов с «пастухом» на разных берегах реки, сказители исключительно четко и емко выражают в короткой фразе в форме эпического обращения: *ныркв-аарцвла иаз сычкуын – «мой сын, рожденный тем и этим берегами [реки]»* [9: 84]. Здесь определительное сочетание содержит как бы в свернутом виде содержание сюжета о *«чудесном рождении героя из камня»*. Это говорит о художественной весомости выделяемых поэтических сочетаний, предстающих профилирующими элементами эпического стиля.

Следует отметить, что эпитеты – эпические обращения особенно распространены и устойчивы в адыгской версии нартского эпоса, в которой «традиционные формулы и эпитеты тесно взаимосвязаны» [16: 175]:

Саусэрыкъоу сикъан,
Саусэрыкъоу синэф,

ПчымэIуфыр зиашъу,
Ашъор зиджэнэкокI,
ЕкIанцIэр зипэIошыгу,
Ешыгуаор зичат,
О зичэтэ Iапшъэр
Лъэпщ тикъаным къефыз.

«Саусарук, мой кан,
Саусарук, мой свет,
Чья бранья-пика и светлый щит,
Чья рубаха-кольчуга.
Верх чего шлема – из ольхи.
Чей меч сам взлетает [для удара],
Рукоять чего меча
Держит наш покровитель Тлепш». [3: 66, 215]

Такие примеры свидетельствуют о близости структур изобразительности, эпитетов-определений в эпосе двух родственных народов, и это сходство восходит к далеким эпохам языкового единства абхазо-адыгских народов.

По своей функции эти эпитеты выступают как «описательные» определения. Художественный охват эпитетов – «описательных» определений не ограничен. Они, как правило, «конкретизируют» атрибуты ряда эпических лиц и объектов:

1. **Эпические персонажи**: *нартаа ран Сатанеи-Гуашьа – «мать нартов Сатаней-Гуаща»; доуха змаз Сатанеи-Гуашьа – «обладающая небесной силой Сатаней-Гуаща»; нартаа ашюык рахушьа Гуында-пшдза – «сестра ста нартов Гунда-красавица»; уаю иибац чыс зымфацыз Гуында-пшдза – «не евшая обычных блюд Гунда-красавица»; зишьа ишьа еипшымхаз Сасрыкуа – «Сасрыкуа, чье рождение стало непохожим на [обычное] рождение»; Гуында-пшдза дхуаны дзызтаз Хуажарпыс – «Хважварпыс, просватавший Гунду-красавицу»* [9: 84].

2. **Эпический ландшафт**: *быжьра-быжьцва иказ ажра – «яма на семь пядей и семь локтей»; юныk-юныk иакараз ахахукуа – «камни, величиной с дом»; ачамха куапеи зхаршу нартаа рдзыхь – «нартский родник, с висящим [рядом] кленовым черпаком»* [9: 84].

3. **Эпическая фауна**: *бзиа иибоз, еснагь юызас имаз ирашь – «его араш [богатырский конь], которого он любил и который всегда был его помощником»; чык иакараз аб – «тур величиной с коня»* [9: 85].

4. **Эпический предметный мир:** *нартаа ргуаш, бнацв тыюала иыкацоу – «нартские ворота, сделанные из оленьих рогов»; шюык иырзышьтымхуаз нартаа рыцмата – «нартский плуг, который не могли поднять сто человек»; уаса-шк зкуаз акуаб – «котел, вмещающий сто баранов»* [9: 85].

Из перечня контрольных примеров проясняется, что развернутые эпитеты-определения строятся преимущественно на основе гиперболы и сравнения. В этой связи показательно, что и в адыгской версии эпоса «эпитеты – устойчивые индивидуальные определения весьма многочисленны и разнообразны» [2: 336], и в характеристике образа Бадиноко они, «как правило, основаны на гиперболе» [1: 23].

Своеобразие устойчивых развернутых эпитетов, описывающих женские образы, заключается и в том, что помимо других качеств они постоянно определяют идеальный облик, красоту эпической героини. Необычайная внешность нартских женщин особенно часто сравнивается со *«светом»*. Символизирующий эпитет *«светлый»* в абхазском эпосе сочетается только с женскими именами, в отличие, например, от русских былин, где он характеризует и мужские образы. Ср. например, обозначения Владимира в былинах: *«светлый князь Владимир», «свет-государь наш Владимир-князь»* и т.д. [8: 41–50].

Следует отметить, что, как известно, одним из наиболее часто употребляемых эпитетов к имени матери нартов Сатаней в абхазо-адыгской версии эпоса выступает эпитет *«гуаща»*. Сейчас нет необходимости по-новому охарактеризовать или этимологизировать этот эпитет по той причине, что исследователи-нартоведы, писавшие о художественном языке эпоса (в частности: 14: 277; 2: 22–23; 5: 69–72; 11: 157; 19: 333), так или иначе, касались этого вопроса. И несомненно одно: в абхазском эпосе, как и в адыгском, *«гуаща»* – эпитет исключительно *Сатаней*. Тем более что он, «сливаясь с определяемым словом «Сатаней» в одно целое, как бы теряет в известной мере свое первоначальное значение и становится частью собственного имени» [19: 157], или же встречается отдельно в значении собственного имени *(«мать нартов Гуаща»)*, иногда и с эпитетом *(«светлая Гуаща»)*. С именем Са-

таней-Гуащи не менее постоянно употребляются и вышеназванные «описательные» определения. В идеализации образа Сатаней сказители постоянно подчеркивают ее материнское покровительство, магическую силу ее слов, всемогущество и необычайную красоту. Примечательно, что именно на эти постоянные качества и указывают устойчивые сочетания.

Одной из своеобразных черт «описательных» эпитетов-определений является художественная *конкретность*. Для примера сравним различные определения нартского котла: *«большой котел»* и *«котел, вмещавший сто ведер»*. В первом примере выражается неопределенная, абстрактная величина котла, а в последнем, в отличие от первого, подчеркивается конкретная величина (размер) эпического предмета.

Следующий вид художественной определительности в абхазском нартском эпосе – **удвоение эпитетов** путем обозначения двух свойств или признаков эпического адресата. Определяемое понятие характеризуется как с реально-конкретной, так и с абстрактной стороны: два по-разному сочетающиеся эпитета с различных сторон определяют один адресат[1].

По своему составу и характеру сочетаемости удвоенные эпитеты разнообразны. В первой разновидности определительное сочетание образуется двумя простыми эпитетами, самостоятельно связанными с эпическим адресатом *(аихат хча ду – «большая железная стрела»* [13: 339]*)*. При этом первый эпитет *(«железный»)* определяет реальное конкретное свойство предмета (он образуется относительным прилагательным), указывает на материал, из которого сделан тот или иной предмет и постоянно стоит в словосочетании перед определяемым словом. Сравнительно редко он может обозначаться существительным и указывать на принадлежность или собственно внешний облик определяемого понятия *(агауарба ду – «большой орлан белохвост»)*. Второй эпитет *(«большой»),* выражающий оценочный аспект, носит более абстрактный собирательный характер (образуется качественным прилагательным) и неизменно выступает после определяемого слова. Это обязательно один из вышеназванных доминантных эпитетов *(«большой», «сильный», «хороший», «маленький»)* или их синонимов; он служит организующим компонентом художественно-определительного сочетания.

Во второй разновидности – в определительном ряду один из эпитетов характеризует или усиливает значение другого, непосредственно связанного с эпическим адресатом. «Поэтические определения как бы наслаиваются одно на другое» [15: 12]. Смысл эпитета, определяющего наиболее характерный признак предмета, более конкретен и занимает ближайшее с ним место. Значение следующего эпитета, связанного с первым, нередко бывает неопределенным и употребляется после основного эпитета. Такое определительное сочетание состоит из оценочных эпитетов, выраженных качественными прилагательными: *ахуы харак-ду – «холм – высоко-большой»*[2] [13: 71]. Здесь основным эпитетом, раскрывающим существенный признак определяемого понятия *(холм),* выступает прилагательное *«высокий»*, а эпитет *«большой»* подчеркивает не только высоту, но и размеры холма. Основой конструкции такой разновидности удвоенного эпитета служит доминантное определение с его синонимом. Реже сочетаются синонимические определения, причем одно из них может даже быть перенесено в управляемую позицию по отношению к соседнему *(амш цгьа-баапс – «погода – страшно-ужасная»* [9: 87]*)*.

В третьей разновидности основной (уточняющий) эпитет заменяется атрибутивной группой слов: эпитет – «описательное» определение сочетается с доминантным определением. Атрибутивный ряд (субстантивно-глагольная синонимия) также конкретно выражает «реальные качества» эпического адресата (*уаса-шк зкуаз акуаб ду – «большой котел, вмещавший сто баранов»* [Там же]). Как и в названных разновидностях, здесь организующим компонентом определительной группы выступает доминантный эпитет *(«большой»)*. Но иногда в этой функции употребляется и эпитет, характеризующий материал, из которого сделан предмет (*ажюан акындза инадзо ацца-бааш – «хрустальный замок – до небес»* [13: 333]). Также в некоторых случаях атрибутивная группа встречается и при наличии заменяемого ею эпитета в определительном сочетании (*атырас ихунаны иказчо ауаа сса-ччиакуа – «люди, мелко-**ничтожные**, взобравшиеся на папоротник, обрубающие его листья»* [9: 88]). В подобных сочетаниях определительный ряд может иметь вид уточняющего повтора, который строится на сравнении или содержит в себе сравнительный оттенок (*уаю кьач-хуычык, дзакы дыкам – «некий человек – низко-маленький, ростом меньше пяди»* [13: 333]).

В нартских сказаниях художественно-определительные сочетания данного вида характеризу-

---

[1] На монголоязычном и тюркоязычном материале это явление раскрывает А. В. Кудияров [Кудияров 1984: 12–25].

[2] Для большей точности примеры данного типа переводятся нами дословно, без изменения конструкции словосочетания, хотя это в известной степени противоречит нормам русского языка.

ют самые различные имена эпических героев и явления.

Своеобразие удвоенных эпитетов заключается в том, что все проанализированные выше простые и «описательные» определения сочетаются друг с другом, лишь повторяясь в удвоенной конструкции. Например, встречаются отдельно определения *«большой дом»* и *«каменный дом»*, но при их сочетании получаем: *«большой каменный дом»*.

Итак, в рассмотренных нами текстах мы выделили основные формы проявления художественно-определительной системы в абхазском нартском эпосе: *простой эпитет, «описательный» атрибутивный ряд* и *удвоенный эпитет*.

Простой эпитет образуется одним определением-прилагательным, различными глагольными формами, реже существительными. Сюда входят: *доминантные эпитеты – оценочные определения («большой», «сильный» «хороший», «маленький»)* с их синонимическими гнездами; *ситуативно-текстовые и субъективно-оценочные эпитеты; эпитеты, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет или на его относительный признак; цветовые эпитеты.*

«Описательный» атрибутивный ряд обычно представлен группой слов, объединенных общностью функции и субстантивно-глагольной синонимией. В определительный ряд могут входить и другие различные (простые) определения и постоянные эпитеты к эпическим именам, вследствие чего еще больше развертывается и удваивается определительная атрибутивная группа.

Удвоенный эпитет обычно состоит из двух по-разному сочетающихся самостоятельных эпитетов, которые определяют один адресат с различных сторон, или сочетанием атрибутивной определительной группы с простым эпитетом-определением. В таких определительных сочетаниях один эпитет носит обобщающий, собирательный характер, а другой – конкретный. Причем, когда оба определения идут в одном ряду после определяемого слова, последний эпитет еще больше усиливает смысл первого.

Основным свойством эпических определительных сочетаний (эпитетов с определяемыми понятиями) является выразительно-оценочный момент (выражение героической сущности эпического адресата). Этот момент настолько значителен, что эпитеты, характеризующие реальные качества эпических объектов, часто приобретают метафорическую окраску. В этом и проявляется гиперболическая основа нартской эпитетики.

Библиографический список

1. *Алиева, А.И.* Эпитет в адыгском героическом эпосе [Текст] / А.И. Алиева // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Серия филологическая.– Нальчик, 1967. – Т. 24. – С. 17–18.
2. *Алиева, А.И.* Сказания о нартах – эпос народов Кавказа [Текст] / А.И. Алиева / Поэтика нартского эпоса адыгов. – М., 1969. – С. 303-350.
3. *Алиева, А.И., Гадагатль, А.М., Кардангушев, З.П.* Нарты: Адыгский героический эпос [Текст] / Сост.: А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев; вступ. ст. А.Т. Шортанова; пер. А.И. Алиевой; коммент. А.И. Алиевой и З.П. Кардангушева. – М., 1974.
4. *Аншба, А.А., Чанба, Р.К.* Сказания о нартах [Текст] / Публ. А.А. Аншбы и Р.К. Чанбы // «Алашара».– Сухум, 1973.– №5.– С. 52–61 (на абх. яз.).
5. *Аншба, А.А.* Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса [Текст] / А.А. Аншба. – Тбилиси, 1970.
6. *Аристава, Ш.К.* Проблемы простого предложения в абхазском языке [Текст] / Ш.К. Аристава. – Тбилиси, 1982.
7. *Веселовский, А.И.* Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – Л., 1940.
8. *Гацак, В.М.* Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики [Текст] / В.М. Гацак. – М., 1989.
9. *Джапуа, З.Д.* Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система [Текст] / З.Д. Джапуа. – Сухум, 1995.
10. *Джапуа, З.Д.* Ранние записи абхазского фольклора (Из рукописей А.Н. Генко) [Текст] / Сост., предисл. и коммент. З.Д. Джапуа. – Сухум, 2001 (на абх. яз.).
11. *Зухба, С.Л., Хеция, А.Д.* Из устного творчества заморских абхазов [Текст] / Публ. С.Л. Зухбы, А.Д. Хеция // «Алашара».– Сухум, 1976. – № 6. – С. 72–78 (на абх. яз.).
12. *Зухба, С.Л.* Абхазское народное поэтическое творчество. Уч. для вузов [Текст] / С.Л. Зухба. – Сухум, 1981 (на абх. яз.).
13. *Инал-ипа, Ш.Д., Шакрыл, К.С., Шинкуба, Б.В.* Нарт Сасрыкуа и его девяносто девять братьев: Абхазский народный эпос [Текст] / Сост.: Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба. – Сухум, 1962 (на абх. яз.).
14. *Инал-ипа, Ш.Д.* Абхазский героический эпос [Текст] / Ш.Д. Инал-ипа // «Литературная Абхазия». Сухум, 1958. – №3. – С. 260–278.
15. *Кудиаров, А.В.* Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов [Текст] / А.В. Кудиаров // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. – М., 1984. – С. 10-56.
16. *Кумахов, М.А., Кумахова, З.Ю.* Язык адыгского фольклора: Нартский эпос [Текст] / М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахова. – М., 1985.
17. *Невелева С.Л.* Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса: Эпитет и сравнение [Текст] / С.Л. Невелева. – М., 1979.
18. *Пропп, В.П.* Язык былин как средство художественной изобразительности [Текст] / В.Я. Пропп // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – Л., 1954. – Вып. 20. – № 173. – С. 375-403.
19. *Салакая, Ш.Х.* Абхазский нартский эпос [Текст] / Ш.Х. Салакая. – Тбилиси, 1976.

20. *Селиванов, Ф.М.* Эпитет в былинах [Текст] / Ф.М. Селиванов // Фольклор как искусство слова: Эпитет в русском народном творчестве. – М., 1980. – Вып. 4. – С. 16-35.
21. *Шинкуба, Б.В.* Абхазская народная поэзия [Текст] / Сост. Б.В. Шинкуба. – Сухум, 1959 (на абх.яз.).
22. *Шталь, И.Я.* Принципы распределения эпитета в гомеровском эпосе: К типологии художественного мышления [Текст] / И.В. Шталь // Фольклор: Поэтическая система. – М., 1977. – С. 172-192.